

Три города Сергея Довлатова

83.3(2-411.2)6-8

А89

СА-390476

Ленинград

АНДРЕЙ АРЬЕВ

Таллин

ЕЛЕНА СКУЛЬСКАЯ

Нью-Йорк

АЛЕКСАНДР ГЕНИС

Андрей Арьев, Елена Скульская, Александр Генис

ТРИ ГОРОДА СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

са-390476

АНО

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

МОСКВА, 2021

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Содержание

Андрей Арьев

ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА 7

Елена Скульская

ВЗГЛЯД ИЗ ТАЛЛИНА 85

Александр Генис

ВЗГЛЯД ИЗ НЬЮ-ЙОРКА 161

Сергей Довлатов писал, что через его жизнь прошли три города.

«Первым был Ленинград. Без труда и усилий далась Ленинграду осанка столицы. Вода и камень определили его горизонтальную помпезную стилистику. Благородство здесь так же обычно, как нездоровый цвет лица, долги и вечная самоирония.

Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином».

О питерском периоде жизни Сергея Довлатова написал один из самых близких его друзей — прозаик, литературовед Андрей Арьев. Они познакомились в ранней молодости и сохранили отношения до самой смерти Довлатова. Именно Арьев сделал все возможное и невозможное, чтобы книги Сергея Довлатова встретились с читателем.

По периодизации самого Довлатова, после Ленинграда «следующим был Таллин. Некоторые считают его излишне миниатюрным, кондитерским, приторным. Я-то знаю, что пирожные эти — с начинкой.

Таллин — город вертикальный, интровертный. Разглядываешь готические башни, а думаешь — о себе.

Это наименее советский город Прибалтики. Штрафная пересылка между Востоком и Западом».

О трех годах жизни Довлатова в Таллине написала поэт и прозаик Елена Скульская, которая работала с Сергеем в газете «Советская Эстония» в середине 1970-х, а потом переписывалась с ним.

«Жизнь моя долгие годы катилась с Востока на Запад. Третьим городом этой жизни стал Нью-Йорк.

Нью-Йорк — хамелеон. Широкая улыбка на его физиономии легко сменяется презрительной гримасой. Нью-Йорк расслабляюще безмятежен и смертельно опасен. Размашисто щедр и болезненно скуп. Готов облагодетельствовать тебя, но способен и разорить без минуты колебания.

Его архитектура напоминает кучу детских игрушек. Она кошмарна настолько, что достигает известной гармонии. Думаю, что Нью-Йорк — мой последний, решающий, окончательный город. Отсюда можно бежать только на Луну...»

О жизни Довлатова в его последнем городе написал прозаик и эссеист Александр Генис. Он тесно общался с писателем все американские годы и выпускал вместе с ним газету «Новый американец».

Сейчас в Петербурге стоит памятник Сергею Довлатову, в Таллине памятник намечено установить в 2021 году, к 80-летию классика, в Нью-Йорке его именем названа улица. Но три автора этой книги знали, ценили и любили Довлатова, когда известность еще не пришла к нему, когда он был гоним и в Ленинграде, и в Таллине, когда в Нью-Йорке только-только забрезжило признание. Когда мысли о посмертном величии и мировой славе не приходили в голову ни самому Довлатову, ни его друзьям.

Тем, надеемся, и интересны эти воспоминания, в которых Довлатов живет и не знает своего будущего.

Любители отождествлять искусство с действительностью вдоволь смеются или негодуют, читая довлатовскую прозу. И эта естественная обыденная реакция верна — если уж и по Сергею Довлатову не почувствовать абсурда нашей жизни, то нужно быть вовсе к ней слепым.

Когда его истории пересказывались как случившиеся в жизни, он только радовался. Радовался именно потому, что слепком с этой жизни они никогда не бывали. Да и пересказать их на самом деле невозможно. Разве что заучив наизусть.

Но парадокс его книг в том и состоит, что на самом деле вся их беззаботно-беспощадная достоверность — мнимая.

Какие бы известные названия улиц и городов, какие бы знакомые фамилии, какую бы «прямую речь» героев в довлатовских текстах ни обнаруживали, их ни в коем случае нельзя расценивать как хроникально-документальное свидетельство. Правдивость вымысла для писателя существеннее верности факту. Протокольной документальностью он пренебрегал, чтобы тут же творчески ее воссоздать.

В прозе Довлатов неточно называет даже собственный день рождения, указывает в «документальном» «Ремесле» 6 октября, на обложках своих западных изданий ставит неверный год отъезда за границу, в разных случаях несходным образом мотивирует одни и те же поступки, личные достижения расценивает как неудачи, в проигрышах видит победу, в недостойных действиях — достоинство.

Формулировок он с молодых лет придерживался таких: «потерпел успех», «одержал поражение». И следовал им до конца. Лестные отклики о себе в американской печати прокомментировал однажды так: «Самая большая рецензия

ПЕРЕКРЕСТНАЯ РИФМА

(ПИСЬМА СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА)

«В этих письмах нет ничего личного, кроме стиля» — так, мне кажется, сказал бы о них Сергей Довлатов, разрешая публикацию.

И вот спустя одиннадцать лет* мне передают коробочку темного цвета шиповника, на боку которой нацарапано «Лиле** Скульской»: флакончик духов с запахом розового гербария, прибывший с оказией или какой-нибудь посылкой. О таких посылках рассказывал мне Довлатов в середине семидесятых: как в Ленинграде, на конспиративной кухне пошире, собирались тайно избранные опалой, держались отрешенно и страстно, читали стихи, грозили кулаком милицейским окнам, хотели голодать и гибнуть (да так оно и было), а потом вносили ту самую американскую посылку — бедствующим друзьям — с дорогим барахлом (я представляла себе деревянный ящик из детства, вечно не хватало терпения полностью отодрать крышку, она вырывалась, гвоздями прикусывала пальцы, протиснутые за киевскими яблоками), и медленно, как во сне, все кидались к ней, запускали руки, тянули... начинался целый пир персонажей. Довлатов не написал о нем позже, не написал, думаю, от той последней жалости, которую всегда помнил и которой всегда успевал пощадить.

Итак, темная коробочка, золотая рыбка из стаи — рябью поперек течения — без записки, письма, через одиннадцать лет молчания вдруг оказалась в руке. Я писала тогда книгу

* В 1989 году.

** Лилия — имя, которым меня называли в детстве родители, оно вошло в привычку, так до сих пор меня зовут старинные друзья.

обязательство — принимать систематически в подарок свое писательство, которое стало для литературы. Любимая история, рассказанная им, является каждому из нас. Каждый человек, читающий однажды тот или иной рассказ, свою жизнь и жизнь размышляющего кумира. Важно лишь, какой урок мы вынесем из пережитого чувства. Каждый писатель имеет за собой мудрые мысли, но только сдержанный, сдержанный, разоблачительный Сергей Довлатов, превращающий в карикатуры своих врагов и близких, ни одного жестокого слова не написал о живущих, которых научили его страдания. Его герой страдает от одиночества и любви. Так, в идеале, хотели бы поступать мы все, когда сильные слова рассказов заливают наше лицо. Да только у нас не получается. Мы как минимум не хотим больше не видеть, не слышать своих обидчиков. А в глубине души — как максимум — жаждем не полного краха. Поэтому мы так жалко читаем и переживаем любовную историю героя Довлатова, мысля с перекосом мысли и безгранично обильная сбега.

АЛЕКСАНДР ГЕНИС родился в Рязани (1953), вырос в Риге, живет (с 1977-го) в Нью-Йорке и горячо интересуется остальным миром, изрядная часть которого попала в его «интенсивные» книги. Не зря Милорад Павич назвал их «пульсирующим потоком взрывов». В биографии Гениса — работа в легендарном «Новом американце», 30 лет на Радио «Свобода» («Американский час с Александром Генисом»), авторская рубрика в «Новой газете», статьи в толстых журналах и колонки — в гламурных. Но больше всего, разумеется, книг, и для каждой он придумывает оригинальный жанр. Иногда это филологический роман («Довлатов и окрестности»), иногда — теологическая фантазия («Трикотаж»), иногда — страстное литературоведение («Уроки чтения»), иногда — философское путешествие («Космополит»), иногда — лирическая культурология («Конь в кармане»). Какими бы ни были опусы Гениса, их объединяет авторское кредо: писать густо, остроумно, глубоко и просто.

Довлатова я знал хорошо. То есть сперва не очень, но ведь наше знакомство продолжалось и после его смерти. С мертвым я, пожалуй, сдружился ближе, чем с живым. Никаких некротических явлений, просто — возраст. Он умер в 48, когда мне было 37, а сейчас мне 65. И чем быстрее я его обгоняю, тем больше понимаю, а иногда — и узнаю.

У меня друзья всегда были старше. Причем настолько, что я жизнерадостно шутил: мне на вас всех придется писать некрологи. В ответ Борис Парамонов многозначительно цитировал: «Четыре старца несут гроб юноши».

Борис не любит инфернальных намеков. Однажды в ответ на мои попреки в скарденности — мол, все равно с собой на тот свет не возьмешь — он заносчиво произнес: «Это мы еще посмотрим».

Парамонов любит воспевать капитализм, консерватизм, а пуще всего — мещанское счастье. Однако есть в нем что-то и от революционных демократов вроде Писарева или Белинского. Только Борис может позвонить в восемь утра, чтобы узнать, как ты относишься к бессмертию души. Впрочем, он больше все-таки похож не на русских писателей, а на их героев, причем сразу всех — от старосветских помещиков до Свидригайлова и от Обломова до Карамазовых — опять-таки всех, включая черта.

Парамонов умел взбесить любого. В письмах Сергей Довлатов рассказывал, как не раз был готов задушить Бориса, и тут же восхищался его «редким качеством — интеллектуальной щедростью». И действительно, по дороге к спорному, если не вопиющему, умозаключению мысль Парамонова выделяет такие фиоритуры, что за ними следишь, забывая о рискованном маршруте. По-русски увлеченный «философемой»,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**